

И. В. Хмара*
**ПРОЦЕСС ОБОСНОВАНИЯ ВЛАСТИ
В ТРУДАХ ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО****

В статье при обращении к корпусу аскетических сочинений Василия Великого («Нравственные правила», Большой Аскетикон и Малый Аскетикон) анализируется его позиция относительно темы власти и ее оснований. Обращается внимание на то, каким образом Василий Великий аргументирует свою позицию.

Ключевые слова: Василий Великий, власть, мораль, аскетика.

I. V. Khmara

THE PROCESS OF JUSTIFICATION POWER IN THE WORKS OF BASIL THE GREAT

The paper's issues are the notion of power in the ascetic works of Basil The Great (the Rules, the Greater Asketikon and the Lesser Asketikon), basis of the power according to Basil The Great and also process of their justification.

Keywords: Basil The Great, power, morality, asceticism.

При пристальном изучении целого ряда феноменов русской культуры обнаруживается тот факт, что, несмотря на эпоху появления, как правило, своими корнями они уходят в период формирования культуры Руси, в т. ч. книжной, что, в свою очередь, связано с идейной преемственностью космосу Византийской мысли, в сущности своей являющемуся, безусловно, христианским.

Это наблюдение формулировалось самым различным образом на протяжении веков существования русской мысли. Примером здесь могут служить и хрестоматийные в этом отношении «Философические письма» П. Чаадаева, где, в частности, можно встретить подобные высказывания, оценивающие факт восприятия Русью византийской традиции:

---

* Хмара Игорь Владимирович, аспирант, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета; hmig1@mail.ru

** Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда (проект № 17-18-01168, Санкт-Петербургский Государственный Университет).

В то время, когда среди борьбы между исполненной силы варварством народов Севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание современной цивилизации, что делали мы? По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов [14].

Достаточно глубокое заимствование всего византийского отмечал и К. Леонтьев в книге «Византизм и славянство»:

Основы нашего как государственного, так и домашнего быта остаются тесно связаны с византизмом. Можно бы, если бы место и время позволяли, доказать, что и все художественное творчество глубоко проникнуто византизмом в лучших проявлениях своих [9].

Наконец, даже, казалось бы, секуляризованные формы русской культуры, целиком ориентированные на европейские образцы, не порывали своей связи с изначальными интенциями. Данный тезис прекрасно аргументируется в работе Юрия Лотмана «Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция», где он оспаривает тезис о принципиальном «разрыве» постпетровской эпохи с предшествующей культурой, но показывает, как в своих поэтических формах она, аналогично предшествующему периоду, встает в позицию познания и отражения некоей «вышей истины» [11, с. 128–129].

Это обосновывает интерес к византийским корням Руси, а соответственно, и современной России.

Обратим внимание, что только в X–XIII вв. в обращении находилось 140 тыс. книг нескольких сотен названий [8]. При анализе путей влияния и передачи византийских идей можно отметить, что важную роль в этом процессе играли образы и сочинения каппадокийцев — византийских богословов IV в.: Григория Богослова, Василия Великого и Григория Нисского.

Их идеи циркулировали как в сочинениях других авторов, так и в некоторых собственных переведенных работах и сборниках цитат. Конечно, наиболее влиятельным автором, особенно благодаря переведенным сочинениям Иоанна Дамаскина, опиравшегося на него, а также инкорпорированности текстов в богослужебную традицию, был Григорий Богослов [6].

Однако Василию Великому также отводилась важная роль, его труды, в частности, «Шестоднева», были известны, а также он был окружен почитанием как святой покровитель крестителя Руси — Владимира Святославовича, после которого имя «Василий» стало династическим [1].

Все вышеизложенное и побуждает с особым вниманием обращаться к проблематике Василия Великого, и в данной статье осуществляется попытка рассмотреть тему власти и ее обоснования в трудах каппадокийца.

Тема власти в существующей литературе, как правило, не рассматривается отдельно, действительно, исследователи, обращаясь к антиарианской полемике Василия Великого, в большей степени анализируют его чисто богословские труды, учение о Святом Духе и литургическое творчество. Подобная ситуация вызвана тем, что в корпусе сочинений Василия Великого, которые принято разделять на догматические, экзегетические, гомилетические, аскетические и литургические, не так много текстов, посвященных вопросу власти. Мысли,

связанные с темой власти, фактически находятся в разделе аскетики, раскрываются они в «Нравственных правилах», Большом и Малом Аскетиконе. Тем не менее сделаем методологическое замечание: несмотря на принятое разделение трудов по подгруппам, каждая из них дополняет, обосновывает другие; так, содержание догматических сочинений влияет и подспудно содержится в нравственных и экзегетических текстах, а литургическое творчество способно дать полезные данные, относящиеся и к рассматриваемой в статье теме [16, с. 84–85].

Приступим к непосредственному анализу предложенных текстов, принадлежность их перу Василия Великого в данный момент не оспаривается исследователями [15], однако, по крайней мере в случае с «Нравственными правилами», существуют дискуссии относительно времени написания сочинения, возникшие в XX в. Но несмотря на попытки Л. Леба доказать поздний, уже итоговый характер «Нравственных правил», наиболее распространенная версия, предложенная Грибомоном, относит составление 80 правил к раннему периоду, т. е. перед рукоположением во священники в 362 г., когда Василию было чуть более 30 лет (он родился примерно в 329–330 гг.) и он только окончил свои странствия по монашеским общинам, следовавшие после удаления из Афин в 356 г. [1]. Если это так, то мы имеем дело с сочинением программного характера.

Большой и Малый Аскетиконы разделяет почти десятилетие. Малый Аскетикон, написанный сразу после рукоположения во пресвитера в 362 г., явился попыткой в форме вопросов и ответов с примерами из Священного Писания дать наставления по поручению правящего архиерея Евсевия, митрополита Кесарии Каппадокийской, монашеским общинам. Большой Аскетикон появился уже после получения Василием епископского сана, т. е. после 370 г., когда он мыслил монашество как «закваску Церкви», более того, именно тогда выражалось его представление о «высоком характере» в нравственном плане первенства в христианском обществе, что явилось ответом, в частности, на возросший в византийском обществе престиж епископского служения. Идеальным воплощением в повседневности высоконравственной жизни представлялось монашество [20, с. 229]. Заметим, что при жизни Василия Великого издание Большого Аскетикона осуществлялось два раза, и именно это сочинение было воспринято ярким представителем монашеского движения IX в., игуменом Студийского монастыря — Феодором Студитом. Будучи одним из самых крупных Константинопольских монастырей, Студийский монастырь оказал огромное влияние, в т. ч. на традиции славянского монашества, достаточно указать, что вплоть до XIV в. на Руси был распространен именно Студийский богослужебный устав, также «Студийский синаксарь» лежал в основе всех византийских монастырских богослужебных уставов послеиконоборческого периода [12].

Таким образом, рассматривая эти три произведения Василия Великого, стоит иметь в виду начальный, только еще программный, характер «Нравственных правил» и Малого Аскетикона и в некотором смысле итоговый — Большого Аскетикона.

В «Нравственных правилах» обнаруживаются сразу несколько правил, относящихся прямо или косвенно к теме власти, а именно: 75 («О рабах и го-

сподах»), 79 («О государях и подданных»), 80 («Каковы вообще, по требованию Слова Божьего, должны быть христиане и предстоятели»). Уже даже по названию можно выделить несколько типов власти: в повседневном отношении (господин — раб), государственный (государь — подданный), духовный (предстоятель — мирянин). Более внимательно рассмотрим размышления Василия Великого о каждом типе.

Итак, правило 75 содержит две главы, в которых вкупе с библейской аргументацией раскрываются требования, как к рабам, так и к господам:

Рабы должны во славу Божию повиноваться господам своим по плоти со всем усердием и во всем том, чем не нарушается заповедь Божия.

Господа, памятуя об истинно Господе, чем сами пользуются от рабов, тоже должны делать для них по силам, в страхе Божиим и со снисходительностью к рабам, подражая Господу [4].

Из этих глав можно сделать вывод, что Василий Великий вводит для господ ответственность за рабов, требуя от последних подчинения, но в рамках дозволенного христианской этикой. Интересно, что если для обоснования мысли о подчинении рабов предъясняются ссылки на характерные места Библейского канона: Послания к Ефесянам (6: 5–8), к Тимофею (6: 1–2), к Титу (2: 9–10), то в случае с господами используется пассаж из Евангелия от Иоанна с умыванием Христом ног учеников (13 глава), который в отрыве от этого контекста устанавливает нормы взаимоотношений между равными — учениками Христа, тем не менее у Василия Великого этот пример становится показательным в установлении ответственности для бытовой власти господина над рабом.

В случае с государственной властью, в правиле 79, она рисуется как необходимая мера в соблюдении «постановлений Божьих», собственно это и есть обязанность государя, именно потому во второй главе говорится, что «вышшим властям следует повиноваться во всем, что не препятствует исполнению Божьих заповедей» [4]. Как видим, здесь также высшая власть наделяется ответственностью перед Богом, набор библейских цитат, отсылающих к Посланию к Римлянам, а также к Титу, вполне характерен, к примеру:

Всяка душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божьему установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых (Рим 13: 1–3).

Более «ответственный» образ описывается в случае с духовной властью (правило 80): тот, кому «вверена проповедь Евангельская», должен быть «образцом благочестия» (глава 14), «сострадательным, как врач» (глава 17), «любящим, как отец любит детей» (глава 18). И все это для того, чтобы «производить прямизну, а в непокоряющихся чему бы то ни было обличать уклонение» (глава 14) и «различать доброе и злое и направлять членов Христовых, к чему каждый обязан» (глава 15) [4].

В Малом Аскетиконе можно обнаружить характерный совет для идеального христианского общества — монашеской общины. Итак, 105 вопрос части 1 об устройении общежития: «Поступающим в братство, надобно ли

тотчас учиться искусствам (τεχναςδιδασκειν)?» — «О сем рассудят настоятели» (Οι προεστотες δοκίμασουσιν) [3]. Здесь представляется власть, требующая абсолютного подчинения, которая в Большом Аскетиконе выражается вопросом 48 с соответствующим ответом: «О том, что должно не в любопытные входить исследования о действиях настоятеля, но быть внимательным к своему делу» [2].

Но эта строгость, согласно Василию Великому, компенсируется ответственностью, которую несут «духовные власти» за тех, кто следует за ними. К примеру, в Малом Аскетиконе, в вопросе 98, можно обнаружить ссылку на Послание к Фессалоникийцам: подходя к делу руководства, необходимо быть как «кормилица» (ητροφος), которая с нежностью относится к своим детям. И именно потому, как говорится уже в Большом Аскетиконе в вопросе 25, что настоятель ответственен за всех, он не может не обличать:

Посему тот, кому поручено заботиться о всех, будучи обязан дать отчет за каждого, так и должен располагать себя, зная, что если один из братьев впадет в грех потому, что он ему не сказал предварительно оправданий Божиих, или впадши в грех, пребывает в нем, не наученный, как исправиться, то кровь брата от рук его взыщется, как написано (см. Иезек.33: 8), и особенно, если не по неведению оставит он без внимания что-либо угодное Богу, но из ласкательства потворствуя порокам каждого, ослабит строгие правила жизни [2].

Примечательно, что здесь в обосновании используется ссылка на книгу пророка Иезекииля, потому как в главе 33, стих 8, действительно, приводятся слова от имени Бога:

Когда Я скажу беззаконнику: «беззаконник! ты смертью умрешь», а ты не будешь ничего говорить, чтобы предостеречь беззаконника от пути его, — то беззаконник тот умрет за грех свой, но кровь его взыщу от руки твоей.

Однако в контексте повествования — это слова Бога самому пророку. Фигура настоятеля в данной ситуации обретает совершенно иной смысл, нежели просто управляющего некоторым коллективом, он как пророк ведет людей ко спасению.

Подводя итоги анализу данных трех книг и рассматривая их в более общем контексте, мы можем отметить характерное для Василия Великого распределение ролей, где каждый, как в живом организме, выполняет свою функцию, власть в таком случае рассматривается как направляющая к святости сила. В основу же всех взаимоотношений еще в «Нравственных правилах» закладывается любовь, что точно подметил исследователь этого сочинения Августин Холмес: «В первом разделе Василий Великий полагает основание всей своей аскетической системы в упорном осмыслении двойной заповеди любви» (Перевод мой. — И. .Х.). Эта заповедь, согласно Холмесу, связана с любовью к Богу и ближнему [19].

Любовь проявляется со стороны власти — в ответственности, со стороны подчиненных — в следовании за властью. Отметим, что особое отношение к властям проявляется и в литургическом творчестве Василия Великого.

Чины Литургий в своей структуре в завершение Анафоры содержат поминовения усопших и живых, причем если обратится к памятнику, свидетель-

ствующему о жизни Церкви в I–II вв. н. э., то описанное там поминовение совершалось довольно кратко и не включало молитвы за государственную власть:

По исполнении же (вкусения) так благодарите: Благодарим Тебя, Отче святой, за имя Твое святое, которое Ты вселил в сердца наших, и за ведение, и веру, и бессмертие, которые Ты открыл нам чрез Иисуса, Отрока Твоего. Тебе слава во веки! Ты, Владыко Вседержитель, сотворил все ради имени Твоего, пищу же и питье дал людям в наслаждение, чтобы они благодарили Тебя, а нам даровал духовную пищу и питье, и жизнь вечную чрез Отрока Твоего. Паче всего благодарим Тебя потому, что Ты всемогущ. Тебе слава во веки! Помяни, Господи, Церковь Твою, да избавишь ее от всякого зла и усоверишь ее в любви Твоей, и от четырех ветров собери ее, освященную в царство Твое, которое Ты уготовал ей, потому что Твоя есть сила и слава во веки. Да придет благодать и да прейдет мир сей. Осанна Богу Давидову! Если кто свят, да приступает, если кто нет, пусть покается. Маран — афа. Аминь [7].

Ранние Византийские Литургии содержали в конце Анафоры поминовение живых — церковной власти, членов общины, страждущих христиан [13, с. 63]. Однако в тексте Литургии Василия Великого, в которой, бесспорно, его перу принадлежит Анафора [18, с. xlix], мы находим уже поминовение гражданских властей, да и всякой власти вообще: «Помяни, Господи, всякое начало и власть (πάσης αρχῆς καὶ ἐξουσίας) и иже в палате братию нашу и все воинство» [10]. Более того, в тексте анафоры присутствует молитва за «благочестивых» царей (ср.: Μνηστῆτι, Κυριε, των ευσεβεσταντων και πισοταντων ημων βασιλεων) и за победу их оружия [18, с. 120].

Итак, подведем итоги. Сохранившееся творческое наследие Василия Великого свидетельствует о выделении им разных типов властных отношений, в зависимости от положения в этой системе самих ее участников — это может быть власть духовная, государственная, бытовая. Причем тема власти относится для него к области морали и аскетики, а основа этих отношений не мыслится без понятия любви, которая предполагает ответственность перед Богом властвующих за подчиненных, но и повиновение последних. Понимание власти разворачивается Василием Великим исключительно в рамках христианской парадигмы спасения, эта тема вводится в его литургическое творчество, в частности в Анафору Литургии.

Отметим, как совершается обоснование этой позиции. Безусловно, в своей аргументации Василий Великий в первую очередь ссылается на библейские отрывки, однако сам их подбор, не всегда очевидный, заставляет нас усматривать в этом влияние, в некотором смысле, церковного предания, формируемого в т. ч. и самим Василием. Тема предания значима для него, оно дополняет текст Священного Писания, помещая его в пространство правильной интерпретации (ср. [5]). Предание, по Василию Великому, как выражался Георгий Флоровский, представляет собой «common mind of the Church» — соборный разум Церкви [17, с. 88], важным элементом которого является апелляция к принципу древности и всеобщности [17, с. 74]. Однако, как было показано выше, по крайней мере в случае с епископской властью, властью вообще, Василий Великий адаптирует это предание под вызовы его времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василий Великий // Православная энциклопедия. — URL: <http://www.pravenc.ru/text/150791.html> (дата обращения: 30.10.2018).
2. Василий Великий Большой Аскетикон // Азбука Православия. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/pravila-prostranno-izlozhennye-v-voprosah-i-otvetah/ (дата обращения: 30.10.2018).
3. Василий Великий Малый Аскетикон // Азбука Православия. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/pravila-kratko-izlozhennye-v-voprosah-i-otvetah/ (дата обращения: 30.10.2018).
4. Василий Великий Нравственные правила // Азбука Православия. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/nravstvennyye_pavila/ (дата обращения: 30.10.2018).
5. Василий Великий О предании церковном // Азбука Православия. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/o_predanii_tserkovnom/ (дата обращения: 30.10.2018).
6. Григорий Богослов // Православная энциклопедия. — URL: www.pravenc.ru/text/166811.html (дата обращения: 30.10.2018).
7. Дидахе // Азбука Православия. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/didahe_rus/ (дата обращения: 30.10.2018).
8. Ионайтис О. Б. Византийская культура и процесс формирования культуры Киевской Руси // Школа мысли. — URL: <http://shkola-mysli.narod.ru/01-13.html> (дата обращения: 30.10.2018).
9. Леонтьев К. Византизм и славянство // Азбука Православия. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Konstantin_Leontev/vizantizm-i-slavyanstvo/#0_1 (дата обращения: 30.10.2018).
10. Литургия Василия Великого // Азбука Православия. — URL: <https://azbyka.ru/bogosluzhenie/liturgiya/lit04.shtml> (дата обращения: 30.10.2018).
11. Лотман Ю. М. Русская культура послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю. М. Избр. статьи: в 3 т. — Таллин, 1993. — Т. 3.
12. Пентковский А. М. Студийский устав и уставы студийской традиции // Седмица. ру. — URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/443682/> (дата обращения: 30.10.2018).
13. Хуан Матеос. Развитие византийской литургии // Хуан Матеос, Тафт Роберт Развитие византийской литургии. — Киев., 2009. — С. 9–76.
14. Чаадаев П. Я. Философические письма // Библиотека «Вехи». — URL: <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html> (дата обращения: 30.10.2018).
15. Basil The Great // New Advent. Catholic encyclopedia. — URL: <http://www.newadvent.org/cathen/02330b.htm> (дата обращения: 30.10.2018).
16. Constantelos J. Demetros Basil The Great's social thought and involvement // The Greek theological review. — 1982. — N26 (1–2). — P. 81–86.
17. Florovsky G. The function of Tradition in the Ancient Church // The Greek theological review. — 1963. — Vol. IX (2). — P. 74–92.
18. Hammond C. E. Liturgy Eastern and Western. — Oxford., 1878. — 470 p.
19. Holmes A. A life pleasing to God. The spirituality of the rules of St. Basil. — Michigan, 2000. — 282 p.
20. Sterk A. On Basil, Moses, and The model bishop: The Cappadocian legacy of leadership // Church history. — 1992. — N67 (2). — P. 227–253.